

И. Б. Фомичёва

Новониколаевский адресат Л. Н. Толстого

Доклад на V Толстовских правовых чтениях. Тула, 2019

В этом сообщении мы хотели бы рассказать о связи писателя с нашим городом, переписке и обсуждении проблем, волновавших великого писателя и его новониколаевского преданного читателя и адресата – В. И. Ермохина.

Старейшая библиотека нашего города, которая носит имя Л. Н. Толстого, имеет долгую и славную биографию. Своим появлением в Закаменском районе Новониколаевска она обязана Григорию Моисеевичу Будагову, Статскому Советнику, инженеру путей сообщения, первому начальнику строительства моста через р.Обь. В ноябре 1894 года по его инициативе была открыта народная читальня, а в апреле 1895 года распахнула двери народная библиотека дешевых изданий, содержащаяся на средства Будагова (фонд составляли 127 личных книг инженера). Библиотеке разрешили осуществлять свою деятельность с условием, чтобы «были приобретены исключительно книги, одобренные Учебным Комитетом при Святейшем Синоде или Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения». Отметим, что в существующем тогда «Списке запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях книг», как запретные, были указаны произведения Толстого «Крейцера соната», «Три старца», а также его статьи о религии. Во время чтений в библиотеках и читальнях обязательным было присутствие священника. [5, с.5]

В ноябре 1910 года, после смерти писателя, Общество попечения о народном образовании на чрезвычайном заседании постановило увековечить память великого писателя и присвоить Закаменской библиотеке имя Льва Толстого. Чтобы популяризовать его творчество и почтить память, в библиотеке проводились народные толстовские чтения. Руководство и помощь в их проведении осуществляли писатель В. М. Бахметьев, первый новониколаевский врач М. П. Востоков, учителя С. П. и Н. В. Козловы и др. На одном из таких чтений присутствовало около 700 человек. Как писала позднее

газета «Советская Сибирь», «никогда еще подобных многолюдных собраний в Новониколаевске не было». [5, с.9]

С большой долей вероятности можно утверждать, что одним из читателей библиотеки был колесный мастер Василий Иванович Ермохин, который переписывался и лично встречался с Л. Н. Толстым.

Ермохин приехал в Новониколаевск в 1907 году. Устроился работать в экипажную и колесную мастерскую И. С. Алеева в доме № 37 по Кузнецкой улице. Мастерская ремонтировала любые экипажи: зимние, летние, рессорные, полурессорные, городские ходки и крестьянские телеги. Любопытно, что мастерская сама изготовляла новые экипажи, а при складе в большом количестве хранились окованные и некованные колеса, ободья и дубовые спицы для колёс. Но в историю города мастерская вошла не трудовыми достижениями, а историей переписки своего мастера с писателем.

Устроившись в мастерскую Алеева, Василий Иванович перевёз в город жену и четверых детей. Помимо работы, Ермохина интересовало многое: он постоянно читал, причём не развлекательную литературу, а книги по истории и философии. Мастер был частым гостем в книжной лавке и библиотеке Общества приказчиков, ходил слушать ораторов на демонстрации и маёвки, хранил дома нелегальную литературу. [4, с.199]

Однажды дошло дело до обыска с катастрофическими последствиями: когда исправник Попов пересмотрел все домашние книги, он забрал в участок рукописи и переписку Ермохина с Толстым. Василий Иванович был глубоко потрясен случившимся, он не находил себе места: ходил в участок, требовал вернуть ему переписку, грозился дойти с жалобами до самого министра внутренних дел. Часть рукописей ему всё же вернули, но Ермохин до того разругался с полицией, что, опасаясь мести, уехал из города на Алтай.

Но вернемся к началу истории знакомства и переписки мастера и писателя.

К Толстому в Ясную Поляну Василий Иванович приезжал с сыном Степаном на Пасху в 1904 году. Дома Льва Николаевича он не застал, и

Ермохины отправились в рощу, где прогуливался великий русский писатель. Толстой долго расспрашивал гостя о жизни, а потом предложил поспособствовать и устроить Ермохина кондуктором железнодорожных вагонов. Но Василий Иванович поблагодарил Толстого и отказался.

Через несколько лет он снова писал в Ясную Поляну:

«Многоуважаемый Лев Николаевич! Шлю я тебе мои две статейки – «Разговор двух крестьян о смертной казни» и «Вред безбрачия». Да третью заметочку по поводу изобретения воздухоплавания. В посылке этой я порешил так: если есть у него время и здоровье и не завален подобными лучшими присылками, то он прочтет. Но если что-либо не позволит ему это сделать, то ведь я посылаемое ему не купил. И нельзя сделать того, чтобы Лев Николаевич выслушивал нас всех, что кому взбредет в голову.

Не припомните ли крестьянина Ермохина, который приезжал к вам лет шесть назад? Мой настоящий адрес: Новониколаевск, Томская губерния, Кузнецкая улица, колесная мастерская Алеева, Василию Ивановичу Ермохину. Желая вам, Лев Николаевич, здоровья и долгой жизни. 1 августа 1910 г.» [4, с.199]

Что за статьи послал новониколаевский философ писателю? Это были размышления об употреблении вина, о декадентской теории «свободной любви» («О вреде безбрачия»), о смертной казни и опасения в том, что воздухоплавание послужит «дьяволу войны».

О вреде вина Лев Толстой ответил Ермохину следующее:

«Не могу удержаться, чтобы не сказать вам того, что, может быть, вам будет неприятно, но считаю своим долгом сказать вам, а именно то, что, как пишете, вы пьете вино и находите это если не необходимым, то полезным в тех условиях, в которых вы находитесь, что очень огорчает меня. Я думаю, употребление вами вина и именно в ваших условиях и с вашими большими умственными силами особенно вредно и что вам надо употреблять вашу силу на то, чтобы освободиться от этой вредной привычки. Простите за непрошенный

совет и верьте моей искренней симпатии и уважению». (ПСС, т. 74, с.258, 18.12. 1903) [4, с.200]

О безбрачии и смертной казни Толстой написал следующее:

«Прочёл с большим интересом ваши две статейки, особенно понравилась мне о безбрачии. С мыслями, выраженными о смертной казни, я вполне согласен, но в ней нет той цельности, которая есть в статье о безбрачии. Вижу, что мы с вами одних и тех же взглядов, и мне всегда приятно быть в общении с такими людьми». (ПСС, т. 82, с.108, 13.08.1910 г.) [4, с.200]

Что именно думал Василий Иванович о смертной казни, остается вопросом. Но мнение самого Льва Толстого хорошо известно. «Смертная казнь, - писал Толстой, - как была, так и осталась для меня одним из тех людских поступков, сведения о совершении которых в действительности не разрушают во мне сознания невозможности их совершения» [1, с.86].

Лев Николаевич был ярким противником смертной казни. Во время заграничного путешествия 1857 года, писатель увидел в Париже обезглавливание преступника на гильотине. Некий Франсуа Ришё, по профессии повар, был осуждён судом присяжных за два убийства с целью ограбления. В обоих случаях убитые были друзьями Ришё и были убиты им во время сна, когда он ночевал в одной с ними комнате. По сообщениям газет, Ришё выслушал свой смертный приговор совершенно спокойно и только просил заблаговременно уведомить его о дне казни, чтобы он мог перед смертью «как следует покутить» на остававшиеся у него деньги.

В ночь с 5 на 6 апреля при свете факелов на площади перед тюрьмой была сооружена гильотина. Громадная толпа численностью от 12 до 15 тысяч собралась поглазеть на необычное зрелище. Утром осуждённый поднялся по ступенькам на помост гильотины, поцеловал поданное ему священником распятие, - и через минуту всё было кончено.

На 29-летнего Толстого зрелище смертной казни произвело потрясающее впечатление, в тот же день он написал В. П. Боткину: «Я имел глупость и жестокость ездить нынче утром смотреть на казнь... Это зрелище мне сделало

такое впечатление, от которого я долго не опомнюсь. Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, но ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека. Там есть... человеческое чувство страсти, а здесь до тонкости доведенное спокойствие и удобство в убийстве и ничего величественного». [3, С.145]

Толстой спешно покинул столицу Франции, но навсегда осталось в его памяти воспоминание об этом ужасе, вовлекающем в круг мучений и жертву, и свидетеля, и палача.

Широко известен случай в жизни Льва Николаевича, когда в судебном процессе 1866 года он выступил адвокатом осужденного на смертную казнь солдата Шабунина. Рядовой пехотного полка, расквартированного вблизи Ясной Поляны, привлекался к уголовной ответственности за избиение своего командира. Хорошо подготовившись в вопросах процессуального и материального права, Лев Николаевич произнес длинную речь. «Хорошо было то, что я во время этой речи расплакался», - вспоминал Толстой. Но офицерская «тройка» вынесла обвинительный приговор и солдата расстреляли. В последующие годы Толстой помнил это поражение, но одновременно бессознательно старался «вымарать» из памяти. Всю жизнь он казнил себя за то, что согласился принимать участие в этом процессе.

В позднейшем письме к П. И. Бирюкову Толстой отмечал: «... случай этот имел на всю мою жизнь гораздо больше влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потеря близких людей». [1, с.86]

Вопрос о тех, кто приводит приговор в исполнение, волновал Толстого в ничуть не меньшей степени, чем вопрос о тех, кого казнят. В смертной казни Толстой видел как бы двойное убийство: телесную смерть человека, которого приговорили к казни, и духовную смерть тех, которые казнят.

Порицая институт смертной казни, Лев Толстой считал, что данная мера не разрешает поставленной перед наказанием задачи. Аргумент о том, что жестокое наказание устрашает людей и тем самым удерживает их от совершения преступлений, с его точки зрения, является несостоятельным. При негативном настрое общества никакие карательные меры не смогут остановить рост жестоких и нарушающих порядок жизни преступлений.

Активная публицистическая деятельность Толстого в последний период творчества - воззвания, статьи, открытые письма - вызывала большой резонанс в обществе. Но именно к этому писатель и стремился, понимая, что прочувствованным словом можно привлечь внимание большого числа людей к проблеме смертной казни и насилия. В полной мере Толстой испытал тогда нападки со стороны недоброжелателей. После статьи «Не могу молчать» он получил более двух десятков «писем ругательных», главная претензия отправителей заключалась в том, что он защищает убийц от расстрелов и не думает об умерших от рук террористов. Но в три раза было больше «писем сочувствия». [2, с.108]

Наверное, у каждого из последователей Толстого было свое понимание заветов великого писателя. В. И. Ермохин – один из тех многих людей, кто пришел к Толстому с духовными нуждами и нашел в нем отклик и сочувствие.

Спустя много лет не прекращается спор между противниками и защитниками смертной казни. Принцип ненасилия становится показателем уровня нравственного развития человека и общества. Лев Толстой и его взгляды, его манифест «Не могу молчать» актуален и в наше время. Зная, что казни отрицательно влияют на нравственное развитие общества, он считал, что людям нужно быть добрее друг к другу, соблюдать законы Божьи, любить ближних. Бесспорно, прекращение войн и жизнь по завету «не убий» - лучший путь для достижения гармонии и доброты в обществе. А пока вопрос о применении смертной казни остается открытым, несмотря на страстные призывы Льва Толстого.

Литература.

1. Басинский, П. Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды / П. Басинский. – М.: АСТ, 2013. – 572 с. – (Литературные биографии Павла Басинского).
2. Гнатюк, К. «Твои писульки бесам читать приятно...» / К. Гнатюк Родина. – 2016. - № 8. – С.108-122.
3. Зверев, А. М. Лев Толстой / А. М. Зверев, В. А. Туниманов. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 782 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып.1088).
4. Маранин, И. Новосибирск: Пять исчезнувших городов. Книга I. Город-вестерн / И. Маранин, К. Осеев. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. – 332 с.: ил.
5. С именем Толстого / МКУК ЦБС Октябрьского района г. Новосибирска; ЦРБ им. Л. Н. Толстого. – Новосибирск, 2015. – 31 с.: ил.